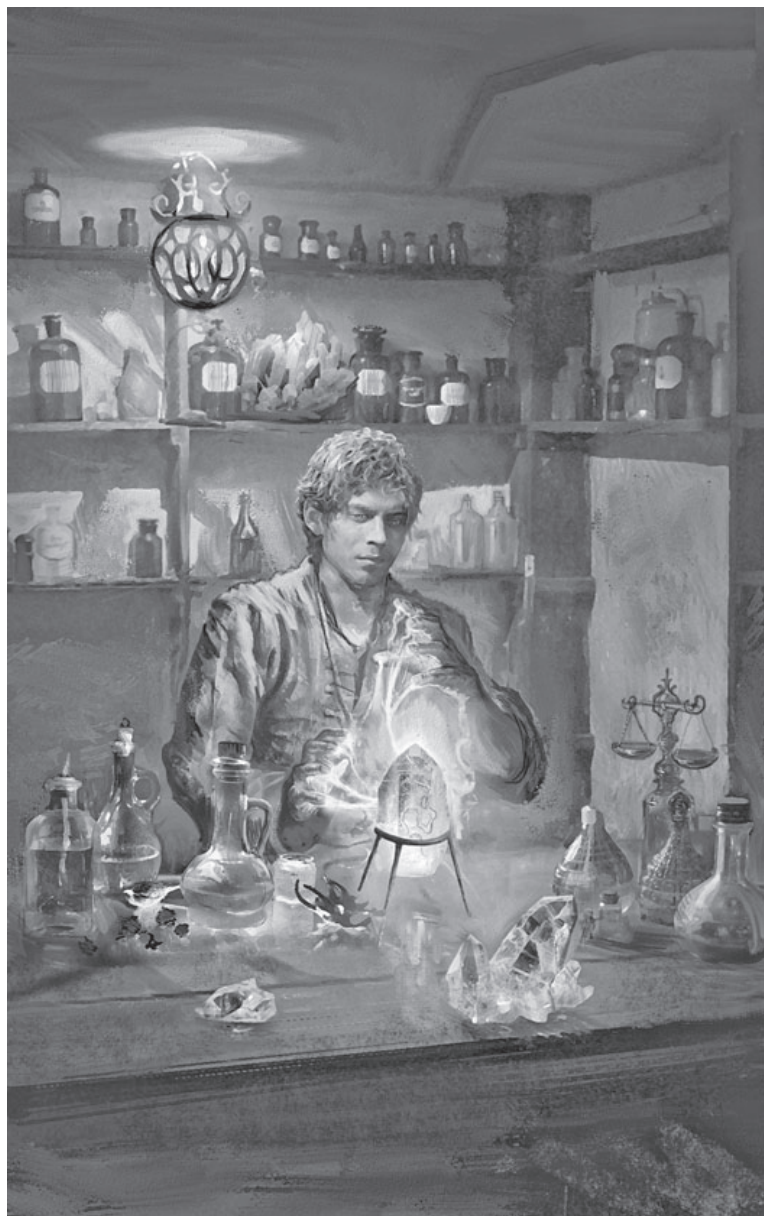

Дмитрий Смекалин

**ХОРОШО БЫТЬ БОГОМ
НИКОЛАС БЮЛОФ – РЫЦАРЬ-ДРАКОН С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ**

Дмитрий Смекалин

НИКОЛАС БЮЛОФ-
РЫЦАРЬ-ГРАКОН
С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ

Роман

Москва, 2014
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С50

Художник
С. Дудин

Смекалин Д. О.

С50   Николас Бюлоф — рыцарь-дракон с тысячью лиц:
Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-
КНИГА», 2014. — 409 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1708-7

Молодого преподавателя-бакалавра, мечтающего продолжить обучение в магистратуре магического университета, отметила своим благословием одна из богинь местного пантеона. Так обычный бюргер превратился в сильнейшего воина-мага и наизавиднейшего жениха, которого стали делить короли и прекрасные невесты. Пока не решили, что проще будет его убить. Но у него было на этот счет другое мнение...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1708-7

© Смекалин Д. О., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Часть первая ИМПЕРСКИЙ КЭР

ПРОЛОГ

На славный город Лерден, столицу одноименного суверенного княжества, знаменитую лучшим университетом всего цивилизованного мира, опустилась ясная зимняя ночь. Звезды с высоты любовались высокими черепичными крышами и позолоченными шпилями, искрившимися от покрывшего их морозного инея.

Несмотря на позднее время, а часы на надвратной башне университета уже пробили полночь, прохожих на неярко освещенных, мощенных брусчаткой улицах было еще много. Завтра ночью их будет еще больше, а вместо керосиновых фонарей всеми цветами радуги засияют магические светильники. Приближался самый главный праздник этого мира — день рождения нового года.

Собственно, сам факт начала нового цикла оборота планеты вокруг Солнца — событие, конечно, знаменательное, но не такое уж и важное. Но в первый день после зимнего солнцестояния боги этого мира являли чудо и милость к населявшим его людям: одному магически одаренному из явившихся в этот день в храмы будет дарована умопомрачительная сила, которая позволит ему стать кэром — защитником и опорой своей страны.

Кэр способен в одиночку за несколько минут уничтожить целую армию обычных магов или сровнять с землей крупный город. В своей боевой форме он практически неуязвим для любого оружия и магии и может быть остановлен и даже уничтожен только такими же, как он сам. И такой воин рождается только один в год. Один на все страны, из которых в этом мире естественным образом остаются независимыми только те, у которых есть свои кэры.

Божественными силами боги местного пантеона (числом двенадцать) наделяли кэров по очереди. И, если верить некоторым апокрифам, не только сила стран определялась наличием у них этих чудо-воинов, но и положение бога в совете местного Олимпа тоже зависело от числа и успешности его кэров. Плелись различные интриги, провоцировались вооруженные конфликты, хотя, учитывая людскую природу, войны всегда было гораздо сложнее предупредить, чем развязать. Поэтому, хотя срок жизни кэра, как и любого сильного мага, мог достигать нескольких сот лет, в мире редко когда оказывалось более ста кэров одновременно.

Но все-таки непрерывные войны не велись. Было одно существенное ограничение. Богу надо было сделать кэром действительно сильнейшего мага из пришедших в храмы. Или хотя бы выбрать из нескольких кандидатов примерно равных по силам. Поэтому ни одному богу никак не удавалось собрать всех своих кэров в одном государстве. А пассивно смотреть, как источники его власти сами уничтожают друг друга в локальных конфликтах, не хватало терпения. В общем, большая игра была сложна и интересна.

В этом году выбирать кэра пришла очередь богине Целиции, покровительствовавшей наукам и искусствам. Даме немного чопорной, решительной и до фанатизма пунктуальной. Если бы не ее божественная сущность, вполне могла бы быть строгим завучем по воспитательной работе в каком-нибудь лицее. Чистые ногти и воротнички у воспитанников были бы гарантированы. Поэтому основным направлением искусства в данном мире был реализм. Обнаженная натура и фривольные намеки дозволялись, но без порнографии. Этим пусть богиня любви и страсти Аштура занимается. Вечно она страсть с похотью путает. И публичным домам покровительствует. Целиции балета с кордебалетом хватает. И все довольны. С наукой было сложнее. Явных прорывов уже тысячи лет не наблюдалось, и многие секреты лучших умов эпохи до единственной в этом мире мировой войны три тысячи лет назад были утеряны.

Не везло Целиции и с кэрами. В настоящий момент в живых оставался только один — барон фон Гербер, да и то уже дряхлый старик даже по меркам магов. Как-никак второе тысячелетие разменял. И оставался в живых исключи-

тельно по этой же причине, так как являлся старейшим (и с большущим запасом) среди кэров, являя молодым бойцам зримый и заманчивый пример жизненных перспектив. Так что если и возникало желание у какого-нибудь молодого отморозка прервать жизненный путь фон Гербера, то немедленно находились другие, грозно его осаживающие: «Дедушку не тронь!»

Кроме того, жил этот патриарх в Лердене, преподавая молодым магам в местном университете историю. Как живой свидетель. А Лерденский университет являлся альма-матер для очень многих сильных мира сего, что тоже способствовало поддержанию нейтрального и независимого статуса соответствующего княжества. Хотя зубы точили тоже многие...

Пунктуальная Целиция обратила свой заинтересованный взор на землю буквально в то же мгновение, как наступило зимнее солнцестояние. В отличие от восхода или заката, которые зависят от вращения Земли вокруг своей оси, солнцестояние зависит от ее вращения вокруг Солнца. Соответственно и наступает оно каждый год в разное время. В этом году оно наступило буквально через двадцать минут после полуночи по часам на университете Лердена. И именно в храм этого города богиня заглянула прежде всего.

В принципе для выбора кандидата было еще рано. Только завтра в полдень торжественной процессией пройдут в главный храм города отобранные князем и магистратом ради такого случая магистры. Естественно, все местные уроженцы. Также в двенадцать часов, но уже по местному времени, аналогичные делегации магистров войдут в храмы и в столицах других государств. Но Целиция приступила к работе именно тогда, когда и должно было начаться ее дежурство. И была крайне удивлена, увидев в лерденском храме чрезвычайно сильного мага.

Правда, молодой (даже неприлично молодой для мага!) человек не стоял на коленях перед алтарем, а заряжал энергией развешенные по стенам магические светильники, но в правилах отбора претендентов об этом ничего сказано не было, богиня точно помнила. А маг был хорош! Рассчитывать, что через половину суток здесь появится кто-нибудь сильнее, не приходилось. Целиция за Лерденом невольно

приглядывала, и потенциал всех имевшихся в княжестве магистров был ей хорошо известен. Ничего выдающегося!

Богиня быстро глянула в храмы расположенных далеко на востоке государств Чин, Нион и Брахман. Магистры стояли у алтаря только в Чине, где с дисциплиной всегда было хорошо, а «командирский час» меньше трех часов не составлял. Но никого сопоставимого по силам с этим юношей там не было.

«Пожалуй, Меркус в прошлом году послабее кандидата выбрал, чем этот мальчик, — подумала Целиция, — да и Колон в позапрошлом году тоже. А раньше? Да, пожалуй... ЭЙ, ТЫ КУДА?!»

Пока богиня погрузилась в воспоминания и размышления, молодой человек закончил свою работу, подобрался вплотную к выходу из храма и даже успел открыть дверь. Но тут нога у него неожиданно поехала, а сам он неловко отлетел от двери, приложившись спиной и затылком о каменный пол. Свет в его глазах временно померк, и в ту же секунду совершенно другой свет охватил всю его лежащую на спине фигуру. Так на Николаса Бюрлофа снизошло божье благословение.

ГЛАВА 1

Подарок свыше и его первые последствия

Николас Бюрлоф (пока именно Бюрлоф, это позже буква «р» исчезнет из его фамилии), двадцати лет, личный дворянин, единственный сын своей любящей мамы Марион и, к сожалению, уже покойного отца, тоже Николаса, охая, перевернулся на живот и поднялся с пола. Впрочем, охал он совершенно зря или исключительно от страха, ничего у него не болело. Шишки на затылке даже при тщательном ощупывании рукой тоже не обнаружилось.

«Вот повезло, — подумал он, прислушиваясь к своим ощущениям, — а я уж думал, что даже «Малым исцелением» не отделаюсь, придется «Среднее» на себя накладывать, что при гудящей голове совсем не просто».

Молодой человек радостно улыбнулся и даже слегка

подпрыгнул на месте, неожиданно для самого себя подлетев в воздух больше чем на метр. Опасливо покосился на пол (не поскользнуться бы снова), но, увидав, что все в порядке, радостно рассмеялся. После чего опять же вприпрыжку отправился домой. Настроение было у него самое радостное, ибо был он молод, здоров и влюблен. Влюблен, правда, безнадежно, но на завтра его пассия сама назначила ему свидание. Ну, не совсем чтобы свидание, но прекрасная и сиятельная Орлетта де Лион, младшая дочь могущественного герцога де Лиона из Галлодии, изъявила желание ознакомиться с достижениями Николаса в артефакторике, а перед этим вместе с ним посмотреть праздничное шествие магистров к храму. Вечером она будет занята, прием у князя, куда личным дворянам приглашений не дают, но днем, возможно, даже вместе в каком-нибудь кафе посидеть удастся. В общем, жизнь прекрасна!

Роста Николас был немного выше среднего, чуть полноват, имел яркие голубые глаза и коротко стриженные золотистые волосы. В детстве, по уверениям матери, был просто вылитым ангелочком. Да и сейчас таким остался. Опять же по ее мнению. Жили они в собственном четырехэтажном доходном доме на двадцать квартир в трех подъездах, занимая в нем лучшие апартаменты на втором этаже с балконом и двумя эркерами. Кроме того, Николасу была выделена маленькая квартирка на первом этаже (вторая такая же досталась дворнику) под лабораторию.

Жили вполне состоятельно, в Лердене спрос на аренду квартир, тем более в центре города, был высок, и нормой расходов на аренду считалась треть общих доходов квартиросъемщика. А госпожа Марион Бюрлоф сдавала семнадцать квартир, да еще на первом этаже арендовали помещения две лавки, расположенные по противоположным углам дома: лавка магических артефактов (для клиентов побогаче) и керосиновая (для тех, кому магический светильник не по карману). Впрочем, «керосиновая» было одно название, скорее, это была лавка товаров повседневного спроса, включая ржаной хлеб (белый продавался в специальных булочных).

При таких доходах Николас вполне мог бы ничего не делать, но просто лежать на диване ему было скучно. Характер

у него был деятельный, темперамент сангвинический, и все давалось ему легко. Закончив с отличием (и на год раньше срока) общеобразовательный «купеческий» лицей, поступил в университет. За большие деньги, ибо высшее образование в Лердене было платным. И даже очень платным. Позволить его себе могли только богатые люди, но на единственного сына Марион денег не жалела. К тому же у него проявились сильные магические способности, поэтому он и был принят в числе немногих мещан в это гнездо высшей аристократии. Правда, военные и инженерные специальности были для него все равно закрыты, но оставались еще разные гуманитарные, а также медицина и артефакторика. Двум последним Николас и обучался: медицине как основной, а артефакторике факультативно. И по обоим защитил диплом бакалавра на полгода раньше окончательного срока и первым на потоке. И, как дипломированный выпускник, получил личное дворянство (выдавалось автоматически).

Классическим ботаником Николас не был, но медицину и артефакторику искренне любил, да и вообще новые знания всегда его привлекали. Впрочем, вкусно поесть он тоже любил. А еще он любил театр и даже был знаком со многими артистами. Естественно, в балете или опере вход за кулисы был для него воспрещен, там могло пастись только блестящее офицерство, но вот драматический театр был более демократичен. Или не так моден в дворянской среде. Так что Николас с равным удовольствием хотя бы раз в неделю смотрел драму или водевиль, а один раз был даже допущен к исполнению небольшой роли, вполне неплохо сыграв комическую старуху. Правда, спонсировать спектакль ему тоже пришлось...

Было у него еще одно увлечение, которого он стеснялся: поиграть на магосимуляторе «Круче кэра», или просто КК. Игрушке дорогой и требующей регулярной энергетической подзарядки, которую он с энтузиазмом осуществлял своими силами. Ну а цена любящую мать никогда не останавливала, если сын очень просил. Игрушка представляла собой бублик с горизонтальной перемычкой посередине. По всей поверхности бублик был покрыт сенсорами, всего их было двадцать, по два на каждый палец. При активации игрушки перед игроком возникала иллюзия (типа голограммы) поля

боя с различными противниками. Которых надо было убивать любыми способами, управляя своим виртуальным монстром с помощью клавиш-сенсоров. В модели Николаса в качестве такого монстра использовался дракон, самый сложный из всех в управлении. Набор команд был велик, а делать все надо было на очень большой скорости. Николас иногда зависал с игрушкой в руках на все свободное время, включая ночное (занятия в лицее он все-таки не прогуливал), и стал виртуозом. Животик от таких упражнений не уменьшался, а вот манорезерв он себе изрядно прокачал, вливая в игрушку всю доступную ему энергию с максимальной скоростью. Впрочем, оценка мастерства в игре для него была сугубо субъективной, соревноваться было не с кем. В лицее никто из соучеников такой игрушки не имел, а в университете он о своей несолидной страсти молчал. Да и играть стал меньше, все-таки убиение виртуальных противников — дело довольно однообразное, а в медицине и артефакторике много нового узнаешь. Равно как и в театре, а к тому же там еще и актрисы есть, смотрящие на богатенького студента очень благосклонно. Так что на КК он только иногда пар спускал. Ну и убеждался, что мастерства не растерял.

В принципе после бакалавриата следовало бы поступить в магистратуру, но в насквозь сословном обществе, в котором ему довелось жить, сильные мира сего предпочитали видеть магистрами только потомственных дворян, причем наиболее родовитых. То есть собственных детей. Для таких как Николас стать магистром можно было только единственным путем — поработать несколько лет в университете преподавателем, а потом защитить диплом экстерном. Если ректор разрешит. А он мог и не разрешить. Все-таки звание магистра одновременно и потомственное дворянство давало.

Будучи оптимистом, Николас надеялся, что его-то ректор гнобить не будет, а преподавать его взяли с охотой, за глубокие знания и веселый характер. Вот он и стал вести занятия по медицине для таких же разночинцев, как и он сам, а артефакторику так и вовсе родовитым дворянам преподавать. На этих занятиях молодой преподаватель и увидел впервые Орлетту де Лион, студентку второго курса факультета магической артиллерии, и влюбился.

Невысокая, темноволосая, со слегка вздернутым носиком, изящными, чуть припухшими губками, огромными очень живыми карими глазами и точеной фигуркой Орлетта была не просто хороша собой, она была еще и очень обаятельна. У нее был заразительный смех, и хотя покапризничать она тоже любила, даже это получалось у нее чрезвычайно мило. Неудивительно, что поклонники толклись вокруг нее, как комары. Некоторые небезуспешно. Нравы в высшем обществе были весьма вольными, а амулеты против нежелательной беременности — общедоступными. Иметь любовников до замужества не возбранялось. А вот устойчивые связи без перспективы брака считались моветоном. Так что на момент начала занятий с Николасом сердце красавицы было временно свободно.

Как и все представители высшей аристократии, Орлетта имела неплохой магический потенциал, но училась весьма средне. Было слишком много возможностей и более интересных занятий. Тем более что при таком отце место в магистратуре или на любой должности было ей гарантировано. Впрочем, слишком сильно занятия девушка старалась не запускать, и когда заметила интерес к себе со стороны молодого преподавателя (хотя тот и старался тщательно его скрывать), решила воспользоваться ситуацией и подтянуть артефакторику. Тем более что по этому предмету надо было сдавать курсовую, а тут улыбками не отделаешься, надо сделанный артефакт предьявить. К тому же молодой бакалавр был в целом хорош собой и вполне приятен в общении. Но не ровня. Даже странно, откуда у него такой магический потенциал взялся?

Впрочем, аристократы в генеалогическом древе Николаса были, и в изрядном количестве. Только бастарды законными детьми не считаются. Его отец, тоже Николас Бюрлоф, был сыном беженки из далекой северной Ютии, очень даже родовитой по местным понятиям дворянки. Да только казнили всех ее родственников и лишили титулов в результате какой-то частой в тех местах заварушки, и пришлось ей стать бонной в семье дворянина средней руки в соседней с Лерденским княжеством Шварбии. От кого она забеременела и как это могло произойти, в точности было неизвестно, но по туманным намекам да и присвоенной ребенку фа-

мии можно было заподозрить в отцовстве местного маркграфа фон Бюлофа.

Никакого содержания на ребенка матери-одиночке, впрочем, не перепало, и в пятнадцать лет молодой шварб отправился на заработки в Лерден без гроша в кармане. Хотя и вооруженный знанием неплохого набора иностранных языков, которым успела обучить его мать. Николас (старший) устроился наборщиком в небольшую типографию и благодаря везению или собственному чутью закончил свой трудовой путь компаньоном крупнейшего в княжестве книгоиздательства. Он предложил хозяину ориентироваться не на местный рынок, а на потребности расположенной на востоке империи вендов. Там как раз лет за двадцать до этого отменили рабство, и новое поколение бывших холопов стало стремиться к культуре. Вот Николас и предложил наладить выпуск классических произведений на вендском языке и на самой дешевой бумаге. И попал в яблочко. Авторитет Лердена как центра культуры и науки был в мире очень высок, так что книги оттуда, а тем более такого ассортимента и по такой цене, покупались детьми бывших рабов очень охотно. Ну а сам Бюрлоф потихоньку богател и накопил на приобретение доходного дома. Мать его так и осталась в Шварбии, но неплохую пожизненную пенсию ей сын купил у местных банкиров-страховщиков.

Жену себе он взял из Вендии. Урожденную Шуватову, дочку незаконного сына одного из богатейших людей империи — князя Шуватова. Князь, в отличие от маркграфа, отцовства не скрывал и сделал бастарда управляющим своим именем. И женил на такой же незаконной дочке, но уже графа Патина.

Николас-старший, несомненно, обладал магическим даром, но никак его не развивал, хотя само его наличие сильно повышало работоспособность. Работать он мог по несколько суток без сна и в конце концов надорвался. То ли его накрыл упадок сил, то ли полное магическое истощение, но работать, как привык, он больше не мог. Ис горя запил, что через несколько лет и свело его в могилу. Правда, перед этим супруга успела объявить его душевнобольным и забрала дом и счет в банке под свою опеку. Так что запои отца на финансовом благополучии семьи не отразились.

Таким образом, хотя в молодом Николасе перемешалась кровь аристократов двух государств, расположенных довольно далеко друг от друга, он не был знатного происхождения. Дворянство, да и то только личное, принесло ему обучение в университете. И Орлетта де Лион была ему совсем не пара, но почему не помечтать? Все-таки она — младшая дочь, а он скоро станет магистром... Да и мало ли что может в жизни произойти! Тем более сама девушка ему некоторые знаки внимания оказывает.

От последней мысли сердце у него забилось чаще, а ноги понесли его домой еще быстрее. Ведь мало девушке свою мастерскую показать, надо ей и в подарок какой-нибудь артефакт сделать. Например, защиты, ведь она на боевую специальность учится.

Мать его дождалась, хоть он и предупредил ее, что вернется поздно. Всех молодых преподавателей университета отобилизовали на подготовку завтрашнего праздника, а Николаса как самого молодого (и неродовитого) нагрузили больше всех.

Марион с нежностью посмотрела на сына и чопорно поцеловала его в лоб. Мальчик рос на глазах, уже бакалавр, а там, глядишь, и потомственным дворянином станет. Ей этого не дано, но хоть внуки людьми будут. Жаль, родители уже умерли, они бы порадовались. У деда Николаса был довольно сильный комплекс по поводу своего происхождения, он даже гордился тем, что под старость заболел «аристократической болезнью» — подагрой. Хоть и свела она его в могилу раньше срока.

Убедившись, что с сыном все в порядке, Марион отправилась спать, а Николас немедленно юркнул в свою мастерскую. Там в бачке со специальным раствором у него уже давно рос зеленый кристалл. Настоящий изумруд, между прочим. Рос, к сожалению, не сам, а только тогда, когда кто-нибудь вливал в него ману. Николас дорастил его уже до размера с ноготь большого пальца, но сегодня, после зарядки храмовых светильников, его резерв должен быть уже наполовину пуст. А ему еще накопитель и заклинание защиты в кристалл внедрять.

Странно, но свой магический резерв Николас ощущал как полный. Неужели за время прогулки до дома успел вос-

становиться? Ну, можно попробовать немного в кристалл сбросить, пусть хоть чуть-чуть подрастет. Лишний карат не помешает!

Молодой маг направил немного энергии на кристалл и окружающий его раствор. Так, самую малость. Не успел и глазом моргнуть (в смысле не так уж часто человек моргает), но все равно очень скоро, раствор в баке стал прозрачным, а кристалл — размером с кулак.

— Ни хрена себе! — восхитился Николас. — А если бы бак был не на тридцать литров, а побольше? Слышал, что любовь силы прибавляет, но чтобы во столько раз? И что теперь с таким изумрудом делать? Колоть-то жалко.

Решил узор плетения оставить таким же, а вот все остальное пространство камня забить накопителями. Он тогда защиту сможет поддерживать не просто долго, а очень долго. Даже непонятно как долго. Годами, что ли?

Николас сосредоточился на формировании плетения, как он это обычно делал, собираясь внедрить его в кристалл. И заметил еще одну странность. Его восприятие стало много острее, теперь он видел не только основные линии, но и покрывавший их ворс различных капилляров. Усилием воли попытался убрать «мохнатости», и у него получилось! Узор выглядел идеально, как на рисунке в учебнике.

Внедрение узоров в изумруд также прошло без сучка и задоринки. Все фрагменты занимали свое место легко, быстро и абсолютно точно.

Места в кристалле было много, и внедрять туда одни накопители Николасу скоро надоело. А если несколько защит туда зафигачить? Так сказать, многослойной ее сделать?

Сказано — сделано. Николас увлекся, один за другим вплетая в общий узор то закливание защиты, то новые секции накопителя. Часа через два свободного пространства в кристалле наконец не осталось. Сколько же он туда защит внедрил? Сотню? Или больше? Ее же теперь корабельным шарометом не пробить. Даже главным калибром!

Глядя на содеянное, молодой артефактор радостно заулыбался. Появилось ощущение всемогущества. Надо сказать, приятное чувство!

Что бы еще такое сделать? А если попробовать спрессовать кристалл во что-нибудь меньшее? Древние вроде так

умели делать. От уменьшения размера мощность заклипания не только не уменьшается, а наоборот, возрастает в той же пропорции. Энергия течет не по каналам, а вокруг них, они ее только направляют, а связи так срабатывают много быстрее. Только вот получится ли?

Получилось. Изумруд вернулся почти к своему изначальному размеру (побольше, конечно), став примерно с фалангу большого пальца. Всего лишь под воздействием силы воли мага. Обалдеть!

Хотя изумруд при этом немного изменился. Цвет стал более насыщенным, а изнутри явственно пробивалось золотое сияние, заставляя все грани камня сверкать и искриться. Потрясающая красота получилась.

Оправу для кулона Николас сделал уже на автомате. Весело посмеиваясь и бормоча под нос «что хочу, то и ворочу!», он вытащил из кошелька несколько золотых монет и раскатал их в тонкую проволоку. Не касаясь их ничем, кроме собственной ауры. Ауры? Он же ее теперь видит совсем по-другому! Не как размытый слабосветящийся ореол, а как вполне себе объемную сложную структуру, состоящую вроде как из тончайших нитей. И даже не просто нитей! Нитей с кучей маленьких узелков и скрученных в спиральки. Приглядевшись повнимательнее, он пришел к выводу, что все эти нити практически идентичны, только немного цветом различаются. Наверное, так и анализируют с помощью артефактов древних отпечатки ауры! Когда преступников ловят или в крупнейших банках идентификацию клиентов проводят. Только эти артефакты теперь никто делать не умеет и даже не понимает, как они работают. Неужели у него получится сделать что-нибудь подобное?! Принцип работы он, кажется, понял.

Что еще можно заметить? Цвет ауры может меняться под внешним воздействием. По крайней мере, фрагментами. Вот он пальцем себе на ладонь другой руки немного надавил, и в месте контакта цвет ауры чуть-чуть поменялся. Николас завибрировал от возбуждения и нетерпения. Какие перспективы открываются! Он же и в медицине теперь диагноз по одному виду ауры поставить сможет! И лечить станет не все подряд, а там, где повреждения найдет. Ужасно захотелось попробовать, но было не на ком. Сам он, судя по

ауре (да и собственным ощущениям), был абсолютно здоров. И прекрасно себя чувствовал, несмотря на то, что уже почти полночи над этим кулоном трудится. Кстати, доделать надо...

Николас быстренько оплел кристалл тонкой паутиной золотой сетки, не абы как, а подчеркивая красоту камня. Определенный художественный вкус у него был, да и образование получил хорошее. В том числе и в области искусств.

С витой цепочкой провозился еще почти час. Колечки сгибались и паялись с бешеной скоростью, но все-таки их требовалось сделать очень много. Наконец закончил. В смысле кулон закончил. Артефакт еще надо было маной напитать. С его бесконечными накопителями. Внутренне напрягшись, Николас приступил к этой малоприятной процедуре. Но ожидаемого опустошения внутреннего резерва не наступило. Он даже не был уверен, какую часть слил в изумруд. Пару процентов, не более. А больше уже не влезает.

Николас аккуратно разложил кулон и цепочку на ладони, любуясь содеянным.

— И увидели боги, что это хорошо, — пробормотал он. — Интересно, а я не сплю? Что-то все на сказку похоже... Ладно, проснусь, увижу.

И на этой философской мысли он отправился досыпать остаток ночи.

ГЛАВА 2

Так вот с первого свиданья начинаются страданья (А. Барто)

Поздним утром следующего дня Орлетта де Лион сидела на кровати в своей спальне крайне недовольная всем миром, и собой в частности, несмотря на праздник.

— Ну и что ты, дура, теперь делать будешь? — задала она сама себе риторический вопрос.

— Этот гад-то свое все получил. — Орлетта с ненавистью посмотрела на похрапывающую рядом веснушчатую тушу. — Ну и ты тоже... огребла!

Неделю назад в особняке, даже скорее дворце посольства Галлодии в Лердене появился герцог де Арлуньяк, возглав-

лявший официальную делегацию, направленную его величеством королем Леруа IV в Вендию для переговоров о заключении военного и политического союза. Два этих государства общей границы не имели, между ними было довольно много мелких королевств и княжеств, населенных родственными народами. Такими, как Лерден, Шварбия и десяток других. Но сейчас одно из них, Верхняя Остфалия, стало гегемоном региона, постепенно сколачивая из этих мелких образований крупный союз, в котором и земли и населения уже побольше, чем в Галлодии, будет, да и кэров изрядно наберется. Опасный сосед получается, лучше бы объединению воспрепятствовать. А еще лучше — чужими руками.

Именно с этой миссией де Арлуньяк и отбыл на Восток, решив задержаться по дороге в Лердене на время праздника. Заодно и информацию о новом кэре через посольство получить. Ведь на мировой расклад сил каждая такая единица влияет весьма существенно.

Герцог был высок, рыж, весьма неглуп и чрезвычайно любвеобилен. За неделю пребывания в посольстве, кажется, успел перетрахать всех горничных. А вчера на балу в честь наступающего солнцестояния обратил свое благосклонное внимание и на Орлетту.

Девушке его подчеркнутое внимание было лестно. К тому же впервые за долгое время ей встретился кто-то, кто был выше ее по положению. Целый герцог де Арлуньяк! Не наследник даже, а уже сам — хозяин одной из видных провинций их королевства. К тому же еще молод, остроумен, обаятелен, брутален.

А вот сразу пускать его к себе в постель явно не следовало! Орлетта, наверное, вина перебрала. Как, впрочем, и герцог. И что же она получила?

Брутальный красавец?! Как же! Грубое пьяное животное! Вместо ожидавшегося бурного секса Орлетта фактически получила опыт жесткого изнасилования, который ей совсем не понравился. Лицо и грудь исцарапаны небритой щетиной, один сосок чуть ли не откушен. Левое плечо вывихнуто. На шее (и не только) засосы. На руках — синяки. Да что на руках? Все тело — сплошной синяк! А в интимных местах так и вовсе язвы, судя по ощущениям. В общем, бо-

лит все, включая голову, на которую еще и похмелье навалилось.

Нет, ей такого счастья больше не нужно! Упаси боги за такого замуж выйти! Пусть сам по себе в своем герцогстве рождаемость повышает. Без ее участия. Хорошо хоть спит этот урод без задних ног. Можно слинять по-тихому и постараться больше ему на глаза до отъезда делегации не попадаться.

Орлетта болезненно скривилась. А она еще с этим Бюрлофом праздничное шествие посмотреть договорилась. Тут бы себя в порядок привести, а не на люди выходить. Да и идти на свидание к влюбленному в тебя преподавателю, когда вся в засосах... Плевать на него, конечно, но неприятно. А она никакими целительскими заклинаниями не владеет. Они пока на занятиях дальше начал теории не продвинулись. Основной курс так и вовсе через год. А посольского целителя просить — как бы скандала не случилось...

Морщась и шипя от неприятных ощущений, Орлетта проковыляла в ванную, где с помощью горничной кое-как помылась, смазала пострадавшие места бальзамом, а все, что не удавалось прикрыть платьем (выбрала с длинными рукавами и высоким кружевным воротником), замаскировала тональным кремом и пудрой.

Получилось — не очень. Синяки под глазами никак не хотели делать вид, что они являются специально наведенными тенями. И царапины на скуле у не бреющейся по утрам девушки выглядели чужеродным элементом. Да и засос из-под воротника выглянуть норовил. Не эйс! Но оставалось надеяться, что для простого мещанина сойдет.

Когда Орлетта наконец спустилась в приемную посольства, Бюрлоф ее там, как не трудно было догадаться, ожидал. Судя по всему — уже давно. Чистенький, свеженький, улыбающийся, да еще и с букетиком цветов. Девушка с трудом выдавила из себя ответную улыбку. До чего же он не вовремя! (А то, что сама звала, это не важно.) И не болит у него ничего, аж завидно. Вроде он и не виноват ни в чем, но как же раздражает! Нет, пусть теперь «отлично» за артефакторичку ставит и сам за нее все работы делает!

Милостиво приняв букетик, Орлетта небрежно подхва-

тила Николаса под руку и столь же небрежно направила его к выходу.

— Ну, рассказывай, что вы там к праздничному шествию подготовили, — процедила она сквозь зубы, машинально обратившись к молодому преподавателю на «ты». Тот, кажется, этому немного удивился, но возражать не стал. И запел соловьем, рассказывая, где и какие спецэффекты подготовили университетские маги.

Девушка его почти не слушала, все свои усилия тратя на то, чтобы унять разбушевавшуюся головную боль. Радостное щебетание рядом с ухом ее только раздражало.

«Хотя и в головной боли есть положительный момент, — мелькнула у нее шальная мысль. — Забываешь, что все тело тоже болит».

Далеко идти от посольства им было не нужно. Здание находилось всего в квартале от центральной площади города. В принципе и собор, и дворец князя, и магистрат на этой площади и располагались, но так как шествие все-таки должно иметь некоторую протяженность, то торжественная процессия, выйдя из магистрата, шла не напрямую в собор, а предварительно огибала квартал. То есть проходила как раз под окнами посольства.

До выхода из посольства Орлетта кое-как доковыляла, сохраняя при этом безмятежный вид. А тут как раз и колонна демонстрантов появилась. Так что внимание стоящих вокруг подданных князя Лердена и сотрудников посольства Галлодии сосредоточилось на нем, а не на ее помятом лице.

День был ясный, и солнце радостно сверкало на золоченых шпилях и не менее золотом шитье участников шествия. Бриллиантов на дамах не было (почему-то надевать их по такому случаю не полагалось), зато ярко сверкали драгоценными камнями ордена военных. Трубы духового оркестра свою лепту тоже вносили. У бедной Орлетты от этого мельтешения стала кружиться голова, и она была вынуждена покрепче уцепиться за своего сопровождающего. Что тот, кажется, истолковал не совсем правильно, так как наконец замолчал, но зато гордо выпятил грудь. И засиял ярче главного кларнета.

Магистры шли попарно вслед за оркестром и небольшой кучкой сановитых людей города. Тридцать лучших магов

Лердена. Князя в толпе, естественно, не было, он уже поджидал всех в соборе. Вместе с жрецами и главами самых могущественных аристократических семей, как местного княжества, так и оказавшихся в городе гостей.

«А вот герцога де Арлуньяка они там не дождутся», — почему-то злорадно подумала девушка.

Развязав подаренный Николасом букетик, она перекидала цветочки по одному в проходящих мимо магистров. Испытывая от этого злорадное удовлетворение. Пусть не ей одной будет плохо. Бюрлоф пусть знает, как невысоко она ценит его подарки, а магистры... может, кому по голове попадет?

Вслед за магистрами шло два десятка княжеских гвардейцев в парадном облачении. А затем к колонне могли пристраиваться все желающие, что большинство из зрителей и делали. Но у Орлетты идти куда-нибудь просто не оставалось сил.

— Пойдем, в кафе напротив немного посидим, — бросила она своему кавалеру. — Что-то я себя неважно чувствую.

Тот только сейчас заметил, что с девушкой далеко не все в порядке, и забеспокоился:

— Ой, простите мою невнимательность! Конечно, давайте присядем. Если позволите, я вам постараюсь помочь. Все-таки я же еще и дипломированный целитель. — В отличие от студентки, преподаватель все-таки продолжал говорить ей «вы».

Сели они в глубине кафе, подальше от яркого света. Он Орлетту сегодня раздражал, да и синяками светить не хотелось.

Заказав пирожных и горячего пунша (зима на дворе все-таки), молодой лекарь попросил разрешения взять Орлетту за руку. В медицинских целях. Чуть прищурился, он попытался отрешиться от волнения, связанного с присутствием рядом объекта своих мечтаний, и сосредоточился на чтении ее ауры. Используя проявившиеся ночью способности, разумеется.

Выражение его лица постепенно менялось. Из восхищенно-озабоченного оно стало тревожно-недоумевающим и в конце концов застыло как мертвая маска. Но по мере изменения выражения лица Николаса самочувствие Орлетты

стало улучшаться. Сначала перестала болеть голова, затем по всему телу один за другим исчезли все очаги неприятных ощущений, и, наконец, через девушку прошла ласковая и теплая волна, полностью снявшая усталость и зарядившая ее силами, как будто после нескольких суток блаженного отдыха.

— Не ожидала, что ты так можешь, — сказала девушка с некоторым уважением. — Скажи, а что и как ты сделал.

— Я обследовал вашу ауру, — ровным и безжизненным голосом ответил молодой человек. — Всюду, где обнаружил повреждения, наложил «Малое исцеление», а кое-где и «Среднее». А потом просто добавил вам жизненной энергии, чтобы снять усталость и неприятные ощущения.

— Это было тяжело? — спросила Орлетта, заметив застывшее выражение лица своего кавалера. И тут до нее дошел смысл произнесенной им фразы про «все повреждения». — И много повреждений ты нашел?

Задав этот вопрос таким же ровным голосом, девушка внутренне сжалась. И зачем она это спросила? Ответ же очевиден. И совсем не приятен.

— Повреждений было довольно много, — так же ровно прозвучал ответ. — Поверьте, я делал это как врач, и ваша личная жизнь меня абсолютно не касается. Так сказать, издержки профессии.

Не дождавшись ответа от Орлетты, Николас продолжил:

— От хорошего целителя вообще ничего утаить нельзя. Все по ауре видно. Во время близости, в смысле секса, ауры перемешиваются, и в них остаются частички друг друга. Например, вон та пара за соседним столиком — примерные семьянины. Сексом они занимаются регулярно, но только друг с другом. А вон та пара, что сидит по диагонали — довольно странная. Секс у обоих регулярный, но между собой его не было ни разу. Или очень давно, так что следов не осталось.

Зачем он все это говорил, Николас и сам понимал с трудом. Хвастался своими возможностями? Может быть, и это тоже. Но главное для него было отвлечься от мысли, что девушка, в которую он имел неосторожность влюбиться, пришла к нему на свидание прямо из постели с другим. Хотя это для него — свидание, а для нее — деловая встреча. Но чувст-

ва и рассудок не всегда идут рука об руку. Все равно, возможность исследовать собственные новые возможности, пусть и в таком странном ракурсе, было интересно и помогало выйти из ступора.

Орлетта слушала его болтовню в общем-то с той же целью. Она просто не знала, как реагировать. В конце концов, она — герцогиня, а этот Бюрлоф, хоть и сильный целитель, для нее — холоп и сын холопов. Пора его осадить.

— Довольно! — сказала она резко. — Тебя действительно не касается ни моя личная жизнь, ни жизнь этих граждан, собравшихся в кафе. И меня не интересует, кто из них гомосексуалист, а кто проститутка. Если так уверен в своих знаниях — иди и на разведку работай.

Я не буду поднимать скандала по поводу твоего неподобающего поведения, — продолжила она. — Но смотреть твою мастерскую и артефакты уже не вижу смысла. И на занятия твои больше не приду. Но «отлично» ты мне и так поставишь. Понял?!

Внешне Бюрлоф остался совершенно спокоен. Боль не ушла, но стала тупой. Сам виноват, нечего было губы раскатывать! Понимал же, что рассчитывать не на что. А девушка просто тебя использовать захотела. Зря только новые возможности засветил.

— Вы абсолютно правы, ваша светлость, — ответил он. — Продолжение сегодняшней беседы, кажется, не доставит удовольствия ни вам, ни мне. Но от занятий я вас все-таки освобождать не буду. В университете учатся ради знаний, а не ради оценки. Ну а в качестве примера, к чему надо стремиться и просто подарка от бестолкового преподавателя, прошу принять этот артефакт. Вчера сделал в ожидании вашего визита. Это артефакт защиты. Изучите как-нибудь на досуге.

Вытащив из кармана кулон, Николас положил его на столик перед Орлеттой, после чего молча поднялся, слегка поклонился и ушел.

«Оставил за собой последнее слово, — невесело усмехнулся он. — И что все-таки делать, если она на занятия и вправду ходить перестанет?»

«Решил красиво уйти, — думала в это время девушка. — Все равно не получилось. Аристократом надо быть, чтобы

уметь это делать. Ведь будь он мне ровней, мой сегодняшний поступок красивым никак нельзя было бы назвать. А так он сам во всем виноват. Нечего воздушные замки строить. Вон на изумруд какой разорился. А все равно, не холоп, так плебей! Хотя маг он, похоже, и вправду сильный. Посоветовать, что ли, послу его завербовать? Нет, не стоит. Будут еще всякие смотреть, с кем и как у меня секс был!»

Легонько фыркнув напоследок, Орлетта подхватила со стола кулон и двинулась обратно в посольство. Не в свою спальню, естественно (вдруг этот урод еще там валяется), а в апартаменты графа де Ризака, выполнявшего в посольстве обязанности первого секретаря.

Граф сидел перед хрустальным шаром и следил за новостями из храмов. Посторонним в его кабинет вход был воспрещен, но разве герцогиня де Лион может считаться посторонней?

Девушка сделала вид, будто ей был очень интересен факт, что ни в одной из стран Востока кэр сегодня не появился. А вот секретаря посольства это очень интересовало:

— Хорошо бы у нас, но главное, чтобы не в Остфалии, — делился он с девушкой своими соображениями. — И чтобы его эти чокнутые из ордена Света не увели. Хотя маловероятно. Претенденты во всех храмах к своим государям лояльны, иначе их туда никто не пустит. Но нашлись же четыре идиота-революционера! Из Вендии, естественно. Все у них не как у людей! Но это и к лучшему. С четырьмя лишними кэрами они совсем на всех плевать могли бы. А так — скромно сидят.

Орлетта тем временем вызвала к себе горничную, стогнала ее удостовериться, что герцог ушел. Не ушел гад! Завалил в ее кровать ее же служанку и никуда спешить не хотел. И откуда силы нашел! Пришлось пообедать с графом, а горничную отправить за подмогой, чтобы этого де Арлуньяка, наконец, в его собственные апартаменты доставили. А у нее убрали, белье поменяли и все двери заперли. И никого, кроме нее, не пускали.

Пока все разрешилось, как раз и время ожидания в храмах к концу подошло. Хотя с пунктуальной Целицией гарантировать это было нельзя. Она вполне могла по астрономическим часам ориентироваться, а не по часам на башне

местной ратуши. Или университета, как в Лердене. Все равно, у де Ризака наступила горячая пора, надо было срочно информацию обо всех оставшихся храмах добыть. Ну а молодая герцогиня де Лион ушла, наконец, к себе — отдохнуть и переодеться к вечернему приему у князя Лердена.

Атмосфера на приеме у князя была напряженной. Хотя и приемом это сборище высокопоставленных гостей назвать можно было только условно. С момента указанного в приглашениях официального начала мероприятия прошло уже больше двух часов, а сам князь к гостям так и не вышел. Да и руководители дипломатических миссий хотя и находились во дворце, но только телесно. Мысли их были где-то далеко, а глаза внимательно отслеживали маршруты всех курьеров и порученцев, заглядывавших в зал собрания и так же быстро из него исчезающих.

Орлетта стояла рядом с графом де Ризаком, как всегда, в окружении небольшой толпы молодых дипломатов и аристократов. Правда, на сей раз толпа была жиже, чем обычно, да и смотрели эти господа по сторонам больше, чем на нее. Что ей совсем не нравилось.

Девушка невольно повысила голос, привлекая к себе внимание.

— Не понимаю вашего беспокойства, граф, — произнесла она. — Что такого страшного в том, что к положенному сроку информация о новом кэре так и не поступила? Может быть, из какого-нибудь храма ее просто не передали? Или нарочно утаили? Вы же все равно об этом узнаете — не сегодня, так через день. И выводы сделаете. И меры примете. Я в вас уверена.

Орлетта мило улыбнулась. Но первый секретарь посольства не разделял ее оптимизма.

— Герцогиня, уверяю вас, скрыть такое событие абсолютно невозможно. В голову мне приходят только два возможных варианта. Либо где-то появилась новая никому не ведомая страна с новым храмом, либо боги по каким-то причинам решили отвернуться от нас. И то и другое событие настолько принципиально меняет расклад сил в нашем мире, что последствия будут абсолютно неконтролируемыми.

— А вам надо все контролировать, граф, — улыбнулась

Орлетта. — Далеко не всегда можно все предусмотреть. Хотя ваша предусмотрительность похвальна. Я вот сегодня тоже новый кулон надела. Правда, милая вещица? Она еще и амулетом защиты является.

Девушка приподняла пальчиком цепочку, демонстрируя изумруд. Как раз над довольно-таки большим декольте вечернего платья. Да еще и наклонилась чуть-чуть при этом. Чтобы обзор улучшить. Глаза молодых людей послушно повернулись в нужную сторону.

Но подошел к ней и наклонился поближе отнюдь не какой-нибудь молодой офицер, а совсем даже и не молодой маг — ректор Лерденского университета, магистр фон Кредер. И заинтересовали его не девичьи прелести, а именно артефакт.

— Милая герцогиня, вы уже второй год учитесь в моем университете и умудрились до сих пор хранить в тайне такой интересный артефакт древних мастеров? Очень эгоистично. Их же в мире единицы остались, я лично всего третий и вижу. Ничего с вашей фамильной реликвией не делается, если ее мастера-артефакторы изучат.

— Но почему вы так уверены, что это именно артефакт древних? — подал голос кто-то из молодых.

— Посмотрите на его цвет, — оживился ректор. — Вы позволите? — как бы между делом обратился он к Орлетте, довольно бесцеремонно стаскивая цепочку кулона через ее голову.

— Он тяжелее обычного изумруда, а такого насыщенного цвета не бывает ни в выращенных камнях, ни в натуральных. К тому же камни древних светятся изнутри. Видите? Да нет, здесь слишком яркое освещение! — с сожалением сказал он. — Идемте в сад!

И ректор решительно возглавил процессию из слегка растерянной Орлетты и полудюжины молодых аристократов. Де Ризак с ними не пошел, он был при исполнении.

— Вот видите, от него идет золотистое сияние! Да какое интенсивное! Значит, накопители в нем полны. Это артефакт защиты, вы сказали?

Орлетта кивнула.

— Давайте его опробуем. Ну-ка, господа маги, а ударьте-ка вы меня молнией!

Девушка не на шутку перепугалась.

— Погодите, — начала она, но кто-то уже выпустил молнию в фон Кредера. В то же мгновение вокруг него возникло радужное сияние, по которому заряд стек в землю.

— Вообще-то мне этот кулон подарил поклонник и сказал, что сам его сделал...

— Арлунык, что ли? Он вас обманул, — небрежно бросил ректор. — Ну-ка все вместе!

Следующие десять минут вошедшие в раж маги кидали по амулету, передавая его друг другу, разные боевые заклинания. Летали огненные шары и ледяные копья, взрывались мины, пробегали бог весть из какой смертоносной дряни состоящие стены.

«Что за мальчишки, — грустно думала девушка, о которой, казалось, все забыли, — лишь бы им пострелять или взорвать что-нибудь. И ректор хорош! Сотни три лет, а все в игрушки играет!»

Это шумное занятие было прервано дворецким:

— Его сиятельство князь Лерденский просит господ магов не разрушать его цветник и пройти в залу для важного объявления.

— Нет, вы только посмотрите, — никак не мог успокоиться ректор, пока вся их компания нестройной толпой втягивалась обратно во дворец. — Мы все практически пусты, а артефакт так и остался полным! Столь ничтожную долю заряда на отражение наших атак потратил, что и незаметно. Умели же делать древние! Жаль, что это мастерство нам теперь недоступно.

Орлетта шла в глубокой задумчивости, что не помешало ей решительно вырвать свой кулон из жадных рук магистра.

— Это подарок! — заявила она. — И я должна быть в нем весь вечер.

— Но я де Арлуныка в зале вроде и не заметил, — заворчал ректор. — Кстати, можно вас поздравить со скорой свадьбой?

Девушка невольно содрогнулась:

— Почему вы решили, что мы вообще собираемся пожениться?

— Никогда не поверю, что герцог мог бы отдать столь

ценный артефакт из своей семьи. Или про поклонника вы все-таки пошутили, и вам его отец дал?

ОрLETTE что-то совсем не захотелось откровенничать с ректором.

— От такого мудрого мага ничего нельзя скрыть, — кокетливо улыбнулась она. — Конечно, вы правы!

И как можно скорее убежала к своим посольским, пока ректор не попытался уточнить ее ответ или тем более отобрать артефакт для изучения.

«Неужели этот Бюролоф мне действительно артефакт древних подарил? — думала она. — Но тогда он псих! Какой-нибудь барон, может быть, и мог бы меня этим подкупить, но не личный дворянин! А если действительно сделал сам? Тогда он гений, но я в это не верю...»

Тем временем опустевший за время долгого ожидания зал вновь наполнился народом. Распахнулась еще одна дверь, и в нее вошел под руку с древнейшим кэром князь Лерденский Бурхард III, предшественный мажордомом, который громко стукнул о пол церемониальным посохом и прогремел:

— Господа, тишина! Говорит князь!

Голоса смолкли, и князь сделал еще пару шагов вперед:

— Господа и дамы! Я должен сообщить вам крайне приятную вест! Боги не отворачивались от нашего мира! Только что божественная Целиция, которая и выбирала кэра в этом году, снизошла до беседы со своим верным воителем фон Гербером! Она сделала свой выбор и благословила нового кэра. Раз уж богиня не сделала этого публично, то и мы не будем торопиться объявлять его имя. Скажу лишь, что он уроженец Лерденского княжества и преподает в вашем, дорогой фон Кредер, университете!

Князь сиял, как только что отчеканенный золотой. Да и ректора он назвал «дорогим», видимо, от полноты чувств. Обычно он был довольно скуп на похвалу, но получить второго кэра в свое весьма невеликое княжество... Конечно, как говорится, «был нюанс». Новый кэр не имел прочных корней в Лердене, будучи сыном безродных иммигрантов. Наверняка всякие ушлые соседи переманить его постараются. Так что зевать не следует, и именно с этим, а не с во-

лей богов было связано его нежелание обнародовать имя кэра. Зато фон Гербер сказал, что этот новичок необычайно силен. А у многих соседних княжеств и королевств раздробленной на лоскутки территории некогда великой Дэнляндии больше одного кэра никогда и не было. Если все сложится удачно, можно будет подумать о расширении территории. Князь непроизвольно облизнулся...

Дипломаты вокруг Орлетты разочарованно ворчали.

— Ничего себе подсказка, — бурчал посол, — да в Лердене все магистры поголовно в университете преподают или преподавали! Даже кэр их древний и то в нем студентам сказки рассказывает!

А у юной герцогини де Лион почему-то нехорошо засало под ложечкой.

— Нет, этого не может быть, не может быть, не может быть, — шептала она, уговаривая то ли судьбу, то ли саму себя.

Неужели она сегодня сделала очень большую глупость, возможно, самую большую глупость в своей жизни?

ГЛАВА 3

Секрет Полишинеля

Утро Николас Бюрлоф встретил, как ни странно, хорошо отдохнувшим. Впрочем, вчера он тоже был свеж как огурчик, хотя спал не более трех часов. А эту ночь, вместо ожидаемых переживаний, он бессовестно продрях. В результате встал бодрым, готовым на подвиги и даже веселым. Смеялся он, правда, исключительно над собой, но ведь смеялся при этом тоже он сам, так что было не обидно, а помогало пережить крушение любви и мечтаний.

Ну, спустила его девушка с небес на землю, так это даже хорошо. А то всемогущим себя уже почувствовал. Зато в артефакторике и медицине у него явный прорыв произошел. И эти успехи надо срочно развивать!

Николас восторженным тоном рассказывал матери за завтраком о своих успехах, а заодно и ее ауру просканировал и вылечил от начинавшегося, как выяснилось, радикулита.

Марион слушала сына с явным удовольствием и охотно включилась в обсуждение, у каких алхимиков стоило бы закупить побольше всяких там оксидов и диоксидов бериллия, алюминия и ванадия, а также хрома, титана и железа. Вряд ли она представляла, что это за реагенты, но к желанию своего наследника наладить производство изумрудов, сапфиров и рубинов отнеслась с большим энтузиазмом.

Семейная идиллия была прервана неожиданным визитом. В гости к молодому преподавателю явился сам ректор, чем привел того в некоторое замешательство, а Марион так и вовсе в страшное волнение, которое выразилось в том, что обе служанки Бюрлофов (горничная и кухарка) стали носиться вокруг дорогого гостя как заведенные, стараясь выполнить сбивчивые и противоречивые указания хозяйки.

Фон Кредер сделал вид, что не заметил начавшегося мельтешения и, вежливо прикладываясь к поданной ему чашке чая с медовым «елочным» пряником (хозяйка «сама пекла по старинному рецепту», стоя над душой у кухарки), поведал о цели своего прихода.

Оказывается, ректор лично вместе со всем ученым советом университета уже давно с удовольствием наблюдают за выдающимися успехами молодого ранее студента, а теперь бакалавра и преподавателя. И сочли его достойным стать магистром. Причем настолько достойным, что ему даже квалификационную работу готовить не надо, достаточно подать прошение, и звание ему будет присвоено, так сказать, по совокупности, за прошлые заслуги.

— Вчера во время приема этот вопрос удалось решить с князем, — понизив голос, продолжил фон Кредер. — Так что могу, пока неофициально, поздравить вас с потомственным дворянством и даже баронским титулом. Государь, естественно, ждет от вас присяги и верной службы.

Если бы сын еще с утра не успел подкачать в ауру Марион жизненной энергии, с ней, возможно, случился бы удар. Хотя от радости, говорят, не умирают. Осуществилась мечта ее жизни! И так скоро! Ведь ее замечательному сыну только двадцать лет, и у него все впереди. Такие мысли помогли ей успокоиться и настроить себя на деловой лад.

— Мы очень счастливы, что князь по достоинству оце-

нил моего сына. А не знаете ли вы, какие земельные владения предполагается присовокупить к баронскому званию?

Ректор чуть не поперхнулся чаем.

— Ну, об этом речи пока не было... Как вы знаете, территория нашего княжества невелика, и свободных земель в нем нет. Но, возможно, удастся подобрать невесту с достойным приданым, да и последние политические события позволяют надеяться на некоторое расширение наших границ... Так что у Николаса будут все возможности заслужить не только большой манор, но, в перспективе, и графский титул...

Марион с непроницаемым выражением лица кивала головой в такт словам ректора, а тот мысленно костерил ее на всю катушку:

«Вот старая ведьма! (Всего раз в шесть моложе его самого.) Кровь купеческая! Князь-то наш на земельные пожалования скуп, это тебе не титул или орден! Тем более что при награждении сам орден не вручается, только грамота на его ношение, а украшенную драгоценными камнями брошку приходится самому награждаемому покупать в княжеской ювелирной мастерской, от которой тот еще и доход имеет. Донос, что ли, какой сочинить на кого-нибудь из недоброжелателей? Чтобы их землю конфисковать и этому кэру передать? Небось не отберут потом!»

Идея старому интригану понравилась, и он стал раскланиваться, собираясь более тщательно обдумать ее дома. Марион его не удерживала. Как выяснилось, посетившие ее мысли были во многом схожими с ректорскими.

— Неси сюда карту княжества, сынок, — распорядилась она, как только за гостем закрылась дверь. — Впрочем, погоди. Дай я тебя поцелую!

И она действительно расцеловала наклонившегося к ней Николаса. Не только в лоб, как обычно, но и в обе щеки.

— Баронов раньше целовать не доводилось, — пробормотала она с удовлетворением.

Но изучение карты Лерденского княжества на предмет выделения в нем соответствующего баронства, в котором Марион приняла активное участие, а Николай, наоборот, старался отделаться шутками, было прервано самым бесцеремонным образом. В комнату к ним ввалились четыре че-

ловека, причем не через дверь, а через окна эркера, которые они безжалостно выбили, пройдя прямо сквозь стекла. Рамам тоже досталось.

— Да что же это делается! — возмутилась хозяйка дома. — Зима же на дворе! И...

Что еще гневного собиралась сказать Марион, осталось неизвестным, так как незваные гости стали на глазах расти, превращаясь в упирающихся головами в потолок монстров. Они были человекообразные, но странных пропорций и в жутких доспехах, из которых во все стороны торчали шипы и лезвия. С двуручными мечами в руках. А потолки в доме, между прочим, были выше трех метров! Язык у бедной женщины прилип к гортани.

— Перед тобой рыцари Света, новичок! — пророкотал один из них. — Присоединяйся к нашему ордену и помоги нам очистить этот мир от скверны!

Николас проглотил комок в горле:

— А вы уверены, что ничего не перепутали?

— Твоя богиня могла скрыть факт твоего посвящения от людей, но не от других богов. Локрис нас сюда направил! («Бог мести? Ничего себе покровитель у ордена!» — мысленно охнул Николас.) Вызываю тебя на поединок!

— Что, прямо здесь и сейчас? Мне этот дом дорог как память об отце!

— А ты мне нравишься, новичок! Завтра в полдень. На острове за городом. Если решишь присоединиться к нам, покажу, как должен сражаться истинный кэр. Откажешься, не взыщи, убью!

Кэры ушли через тот же эркер, что и вошли. Не уменьшившись в размерах. Теперь не только рамы менять придется, но и кирпичную кладку чинить!

— Что это было? — слабым голосом произнесла Марион, когда пыль немного осела, а нервы столь же немного успокоились.

Николас приобнял мать за плечи.

— Дорогая, давай сначала отсюда уйдем и двери закроем, пока всю квартиру не выстудили. Надо срочно мастеров вызывать, да и жильцов успокоить не мешало бы.

Напоминание об обязанностях домохозяйки окончательно привело Марион в чувство. Бедные служанки снова за-

бегали как наскипидаренные, только теперь к ним подключился еще и дворник. А потом и истопник. Хозяева же перебрались в библиотеку, раз гостиная пришла в полную негодность.

— Похоже, эти господа решили, что я тоже кэр, — констатировал очевидное Николас. — Это многое бы объяснило, но только я в упор не помню, чтобы богиня меня благословляла. Разве что затылком об пол, когда я в храме поскользнулся.

Маг пошутил, не подозревая, насколько был прав.

— Все равно, надо к фон Герберу идти, больше не к кому. Он старейший кэр, должен знать о них больше всех. Может, что подскажет. Особенно что с поединком делать. Этот монстр меня же одним щелчком убьет, сдаться не успею. И не важно, соглашусь я к ним в орден идти или нет. Хотя, может, амулет защиты еще успею сделать? Глядишь, на пару ударов его и хватит.

Мать известие о возможном «кэрстве» сына восприняла спокойно. Точнее, в нем не сомневалась. Представить себе кэра или бога, обманывающего обычного смертного, она не могла. А вот поведение ректора в свете новой информации вызвало уже у нее реакцию, совершенно противоположную первоначальной:

— Вот же скопидомы! Дворянство безземельное, как кость собаке, бросили и считают, что мы им по гроб жизни обязанными должны быть?! Теперь меньше чем на четверть княжества не соглашусь! И то мало! Ты, сынок, не торопись с решением, а то попадешь в кабалу к таким вот жуликам за медную монету. Здесь спешка не нужна, чай не на пожаре. Благословение богини у тебя уже не отнять!

Николас порадовался наивной уверенности матери, что завтра с ним ничего плохого случиться не может, и оставил ее одну разбираться с хозяйственными делами и мечтами о богатом лене. А сам после некоторого колебания двинулся в сторону университета.

Лерденский университет — это целый городок, окруженный каменной стеной. Десятки зданий, из которых, правда, большинство — небольшие коттеджи преподавателей или студенческие общежития. Общежития по местным понятиям, а на самом деле малогабаритные квартиры — по неско-

льку человек в комнату никого не селили, маги все-таки, да и аристократы почти все поголовно. Хотя, конечно, наиболее богатые жили в собственных апартаментах, домах, дворцах (нужное подчеркнуть) в городе. Или арендовали коттедж, как у преподавателей. Соответственно и личных слуг в этом кампусе было больше, чем самих студентов.

Городок имел собственную центральную площадь, на которую выходили дом ректора, административный корпус и храм всех богов. Небольшой, но изящный. С четвертой стороны площади начиналась парковая аллея, вроде Елисейских Полей в Париже, предназначенная, по задумке архитектора, для размышлений, но трактовать подобное времяпровождение можно весьма вольно.

За административным зданием шли учебные корпуса, жилые здания располагались в основном за храмом, а вот за домом ректора были сад, оранжерея и небольшой полигон. Последний он много раз собирался перенести куда-нибудь подальше от своих окон, но чувство долга (надо же приглядывать, чтобы ничего не случилось) пока брало верх.

Занятий в этот день не было, все-таки начавшийся накануне праздник был трехдневным, да и вообще начиналась сессия. А у почтенного кэра фон Гербера в городе был свой особняк. Но ему в нем было скучно. С годами его все больше тянуло к молодежи, он как будто подзаряжался от них жизненной энергией. Поэтому и преподавать пошел. Историю, так как ни в какой области сколько-нибудь глубокими знаниями не владел, а вот повидать за долгую жизнь успел много. А чего не видел, присочинял. Вот и сейчас он с важным видом прогуливался по аллее университетского парка (иногда присаживаясь на скамейки), травя байки о своих прошлых подвигах стайке замерзших студентов, которым робость перед могучим кэром не позволяла удрать. Здесь-то его и отыскал Николас.

Выглядел старикан совсем даже неплохо — мужчина средних лет со спортивной фигурой, седыми висками и бородкой клинышком. Только глаза какие-то выцветшие. Но иногда, особенно при взгляде на симпатичную девушку, в них появлялся намек на хитрый блеск, а морщинки вокруг собирались лучиками. Но сегодня девушек рядом не наблюдалось, было все-таки довольно холодно (градусов пять теп-

ла, если мерить по Цельсию), так что о подвигах приходилось рассказывать в основном первокурсникам из разночинцев. Конечно, им можно было заливать о победах на любовном фронте, в отличие от дворян, купцы и мещане придерживались более строгих нравов. Так что слушали его, открыв рты. Даже неинтересно, совсем в предмете не разбираются, врать можно все что угодно. А фон Герберу и врать-то не надо было, за столько лет много чего накопилось, так что все бывало. В общем, появлению Николаса он даже обрадовался.

— О, молодой коллега! — приветствовал он его. — Подходи, садись, седьмым будешь! (Перед тем как назвать цифру, кэр сделал небольшую паузу, посчитав слушателей по головам.)

— Доброго вам дня и здоровья, уважаемый! — почтительно склонился перед ним Бюрлоф. — Но осмелился бы просить вашей беседы с глазу на глаз. Боюсь, что для меня это жизненно важно.

— Слышали, молодежь? А ну, брысь отсюда! У преподавателей приватный разговор намечается. Кого на счет «три» замечу, заставлю экзамен пересдавать!

Нельзя сказать, что студентов сдуло ветром. Впрочем, немного в сторону они отошли, а часть так и вовсе рванула прочь с явным облегчением.

Считать до трех фон Гербер тоже не стал, а вместо этого сам поднялся со скамьи и взял Николаса под руку.

— Что-то слишком быстро тебя припекло. Обычно новичку несколько дней требуется, чтобы милость богов полностью осознать. Что спросить-то хотел? Или форму менять учиться надумал? Это совсем просто. Только пойдем-ка лучше на полигон.

«Значит, я все-таки кэр...» Снисходительно-деловой тон «коллеги» как-то не оставил ни малейшего повода для сомнения. Впрочем, морально Николас уже был к этому готов, слишком уж все неправдоподобно для ошибки или розыгрыша. Но окончательно осознал только сейчас. И сумел взять себя в руки.

По дороге он сжато, но достаточно четко рассказал фон Герберу о своих проблемах в связи с утренним «визитом» кэров ордена и вызовом на завтрашний поединок.

— Вот беспредельщики! — возмутился старый кэр. — Со всем этот Григ обнаглел! Да в первый год новичка вообще трогать неприлично считается. Хотя формального запрета действительно нет. Но они даже в войнах не участвуют! А тут и суток не прошло, и уже дуэль!

Кэр на некоторое время задумался.

— Значит, так. Ты давай сегодня форму боевую осваивай и броню держать учись, чтобы он тебя сразу не убил. Продержишься немного и падай, делай вид, что сознание потерял. А я теперь же по всем кэрам клич кликну, ближайшие завтра к полудню успеть должны. Хотя бы двое-трое. Достаточно, чтобы ему тебя добить не дать, да он и не решится. То, что он тебе какие-то условия ставил, забудь! Ты ведь не соглашался? Я так и думал, что нет. Ты парень неглупый. А за победу на поединке один кэр от другого требовать ничего не имеет права. Разве что сами пари заключат, тогда как договорятся. А так это вроде турнира получается. В принципе можно и убить противника, но это не приветствуется. Вот если на войне встретитесь, тогда, конечно... Но между кэрами вражды нет, пусть государи между собой договариваются или воюют, мы сами не решаем. Кому присягу принесли, где наша земля, за того и сражаемся.

— Это что же получается, — заинтересовался Николас, — если ваше баронство из состава Лердена в другое государство перейдет, так и вы вместе с ним?

— Получается, что так. Только вряд ли мне с баронством живым перейти куда удастся. Государям кэры много ценнее любого манора. Хотя если два государства в одно объединятся, то и кэры их в одно новое государство перейдут. Хотя нет. Присягу-то заново приносить придется. Если от лена отказаться, можешь быть свободен. Но не припомню, чтобы такое случалось.

За разговорами они незаметно дошли до полигона. Тот представлял собой круглую арену, метров пятьдесят в диаметре, окруженную каменным барьером примерно метровой высоты и ширины и снабженную небольшой трибуной, дабы преподавателям да и другим студентам можно было наблюдать, что там на полигоне тренирующиеся вытворяют. Или сдающие практические занятия.

Внутри ограды широкой полосой тянулась лента из блестящего серебристого материала (очень сложного алхимического состава), а в одном месте из этого же материала был сделан целый фрагмент стены (метра полтора длиной). Рядом с ним находилась лесенка, снаружи каменная, а внутрь спускались мостки. Ворот или отверстий в ограде не было. По этой лесенке кэры и проходили на полигон.

— Ну-ка, малыш, — покровительственным тоном распорядился фон Гербер, — подай-ка на этот накопитель энергии, активируй купол. А я посмотрю, как у тебя с силами дело обстоит.

На самом деле определить потенциал кэра так было нельзя, но собственную энергию ветерану было тратить лень и жалко. Николас послушно протянул руку к фрагменту-накопителю, направил в него энергию и активировал заклинание. «Металлическая» полоса по ограде засияла ярким светом, а над ареной сформировался купол, напоминающий громадный мыльный пузырь. Только проткнуть этот пузырь было бы совсем не просто.

Объяснение, как перейти в боевую форму, оказалось чрезвычайно простым:

— Захоти и представь себя таким!

Фон Гербер действительно перекинулся почти мгновенно. Вместо обычного на вид человека буквально за секунду сформировался трехметровый великан, закованный в причудливую броню. Да еще с мечом в одной руке и со щитом в другой.

— Видишь, все просто!

Николасу, наблюдавшему за процессом магическим зрением, яснее от такой демонстрации не стало. Никаких заклинаний фон Гербер не активировал, но его аура как бы сама собой преобразовалась до неузнаваемости. Хотя какой она еще могла быть у такого монстра?

— Простите, уважаемый, а откуда все это появилось? Ваша масса увеличилась в десятки раз! Да и доспехи с оружием откуда-то взялись.

— Откуда я знаю, малыш? Я тебе не ученый-алхимик, а обычный боевик! Слышал, что это энергия кэра в его массу переходит, но как оно делается, понятия не имею. А доспе-

хи и оружие? Считай, что это кожа так трансформировалась. Что меч, что щит у меня — часть перчаток, которые, кстати, не снимаются, если я этого не захочу, конечно.

Сразу возникла масса интересных вопросов. Например, а может ли кэр отдать, скажем, свой меч постороннему кэру или человеку, а себе создать другой? Но сейчас было не об этом. Надо было трансформироваться, а не получалось. Ну не мог Николас представить себя таким закованным в броню гигантом.

— А форма обязательно должна быть такая, как у вас? — спросил он наконец после ряда бесплодных попыток. — Эти из ордена немного по-другому выглядели, да и щитов у них не было, а мечи — двуручные.

— Конечно, необязательно. Просто во времена моей молодости рыцари выглядели именно так, вот я и привык. А с той поры много что менялось. Но ни на крепости доспехов, ни на мощи удара это не сказывается, сколько сил вложишь, таким он и будет. — И после паузы добавил: — Ладно, ты тут один пока потренируйся, а я пойду другим кэрам информацию по хрустальному шару скину и помощи попрошу. Снимай купол!

Николас послушно отключил заклинание от энергии в накопителе и развезл купол. Подождал, пока кэр выйдет, и снова его включил.

Примерно через час Николас понял, что так у него ничего не получится. Ну не был он никогда рыцарем! Не ощущал на себе тяжести доспехов, да и меча в руках не держал. Фехтование — спорт аристократов, а он плебей, ему не положено. Да даже если он и исхитрится стать таким «железным человеком», толку будет немного. Фехтовать он не умеет. Да и боевыми заклинаниями владеет на очень слабом уровне. Ему их знать вообще не положено. Ну не боевик он. Родом не вышел! Он — неплохой целитель, очень приличный артефактор и немного алхимик. А боевые заклинания он на этом же полигоне у других студентов, конечно, подсмотрел, но практики у него никогда не было. Да и знает он только базовый набор, на который «троечников» натаскивали. А кэры все — прекрасные боевики из высшей аристократии. Против них у него не то что шансов нет, даже не позорно выглядеть не получится.

И тут ему вспомнилась любимая игрушка-симулятор КК. В ней он всех крушил, в том числе и кэров. А что, если?.. Уж драконом-то он себя за столько лет почувствовать успел. Вдруг форма у кэра и вправду любой может быть, без ограничений.

Получилось почти сразу. Вот он тут стоял, такой маленький на большой арене, и вдруг все вокруг уменьшилось в размерах. А у него хвост с шипастым шаром на конце появился, и крылья нарисовались! И стоит он на четырех лапах с громадными когтями! Голова на длинной шее стала поворачиваться так, что сектор просмотра — все триста шестьдесят градусов. А уж зубки в ней! Николас радостно усмехнулся.

Оказалось, рано радовался. Управлять своим новым телом он не умел совершенно. О каждом движении думать приходилось, автоматически ничего не получалось. Отдельно лапу поднять, отдельно шею повернуть, отдельно зубами щелкнуть. Много так не навоюешь!

А как же он в КК воевал? Пальцами по пульту порхал! Интересно, а здесь такое получится сделать? То есть не стать драконом, а стать оператором боевого голема в форме дракона?

Не сразу, но получилось. Вроде как дракон — это он, но одновременно он сидит в удобном кресле и держит в руках любимый бублик пульта с двадцатью сенсорами.

Дальше же началась кропотливая и нудная работа, в которой Николасу потребовались все его знания артефактора и медика. У дракона же не двадцать видов движения! Тут такие же комбинации нажатия сенсоров использовать надо, как в игрушке. Вот и пришлось прямо в собственную плоть встраивать артефакты-преобразователи, нервные окончания по каналам связи замыкать, все внутренние органы по телу перетаскивать.

Не сказать, чтобы идеально, доводить до ума еще не один день придется, но двигаться стало можно. Даже взлететь получилось. Хотя так и не понял, чем же он драконом управляет: сенсорами или все-таки собственной волей, которую ему так удобнее представлять и использовать. Ну да не важно, главное, что работает! В результате вместо пары глаз на голове кучу разных датчиков света с аналогичной функцией по всему телу разместил, равно как и датчики звука, а чтобы

говорить — обычный магический ретранслятор звука в основание шеи вставил, рот же у него вроде как где-то в глубине дракона оказался. Там, где его реальная голова находится. А центральный нервный узел, который движением тела дракона управляет, вообще у себя под креслом спрятал для надежности. Хотя есть ли у него в таком состоянии задница, а тем паче ноги, он уверен не был, по крайней мере, они им не использовались. Только драконьи лапы. Ну а голова у этого голема чисто огнеметом стала, с гидравлическим прессом в челюстях.

Очень старательно запоминал, что же у него получилось. Даже не детали, а ощущения. Осознание себя именно таким. Представил себя снова человеком — стал им, однако. Сам удивился. Снова представил себя големом — получите. Для тренировки несколько раз туда и обратно перекинулся и тут только заметил, что фон Гербер рядом стоит. И, видимо, уже давно. Стал человеком, подошел к нему.

— Ну, ты и псих! Кого мне богиня подсунула?! — Старый кэр даже не знал, как выразить свое отношение к увиденному. — Оставил тебя одного тренироваться, так ты вместо рыцаря драконом стал. Никогда не думал, что такое возможно. А почему нормальным кэром быть не захотел?

— Не получается у меня что-то, — честно ответил Николас. — Не могу себя рыцарем представить. А вот драконом — сразу получилось.

— Сказок ты, что ли, начитался? Или в детстве не наигрался? — Фон Гербер с подозрением обошел вокруг молодого мага. — Хотя ты и есть еще ребенок! А драться ты в таком виде можешь?

Николас снова обернулся драконом и начал демонстрировать свои умения перешедшему в боевую форму кэру. Вроде легкого спарринга провели. Без фанатизма. Заодно и тело немного усовершенствовал: переднюю кромку крыльев укрепил и заострил, а по всему телу щиты защиты разместил, особенно вокруг себя, любимого. В смысле оператора голема, как он это представлял.

— Не так и плохо, — подвел итог недолгого боя фон Гербер. — Победить, конечно, не победишь, но смутишь ты всех завтра точно. Даже интересно, как Григ с таким монстром разбираться станет? Ладно, отбой. Пошли отсюда.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ИМПЕРСКИЙ КЭР	5
Часть вторая. КЭР-ПАРТИЗАН.	243
<i>Заключение.</i> Немного о педагогах и педагогике	405